

МЫ ЦЕЛОВАЛИ РУКУ МАРСЕЛЮ МАРСО

Собеседник — 2002, 10 апр., с. 26

Энциклопедия скучно трактует пантомиму как «театральное представление, в котором драматическое действие изображается одними жестами и движениями, без слов». Вживую это самое «действие без слов» я увидела недавно. На Международной выставке карикатуры, которую «Собеседник» открыл в Москве, публику развлекал дуэт мимов «Глеб & Валери». Без единого слова. Когда шутки остались позади, актеры пантомимы Глеб Иванов и Валерий Карпулин стерли бесстрастный грим и мы начали нешуточный разговор.

Штучный товар

— Почему сейчас так мало хороших клоунов, а мимов — и того меньше? — спросила я для затравки.

— А во всем мире так, — как бы не заметив комплимента, ответил Глеб. А Валера добавил:

— Чтобы человек с задатками мима занялся именно пантомимой, нужно стечение очень многих обстоятельств. Но главная беда — отсутствие школы. Есть масса ребят, у которых хорошая пластика, они владеют телом, но учить их не-

кому. Раньше нашей профессии обучали в Ленинграде, но продолжалось это очень недолго.

— То есть вы — штучный товар?

Глеб: — Ага. И вымирающий, как мамонты. Ищем соплеменников всюду и не всегда находим — мимов с классической подготовкой в России трудно встретить. Все в основном на Западе работают.

валери

Валера в роли Евы

— И вы, как я знаю, тоже не на родине себе имя сделали?

Глеб: — В 1989 году мы попали на Фестиваль молодежи Европы, проходивший в Германии. Кое-что показали. И кажется, показали. Нас на месяц пригласили в Мюнхен. Мы прожили месяц, потом продлили визу до трех месяцев, а потом «зависли» на полгода — работали просто на улице.

Русские на Мариенплац

— Типа как на Арбате?

Глеб: — Типа на Мариенплац. Вообще-то такие выступления считаются ступенькой перед выходом на сцену, а у нас все случилось наоборот: мы со сцены пошли на улицу. Дома в перестройку народу больше хотелось хлеба, чем зрелищ.

А западный уличный театр — это супершкола, на Арбате такого не увидишь. Чтобы прохожие заметили тебя, остановились и бросили что-то в протянутую шляпу, нужно их очень удивить. Один американец, например, начинал свое представление с того, что подбрасывал высоко под крышу яблоко и эффектно ловил его зубами — брызги во все стороны, — фантастика!

Нам, естественно, приходилось придумывать свои приемы, чтобы остановить толпу. Как-то раз мы «загасили» настоящую уличную демонстрацию. Уже не помню, против чего люди там выступали, но, дойдя до нас, остановились и через полчаса мирно разошлись.

«Мы раскололи инкассаторов»

Валерий: — А однажды толпа, собранная нами, перегородила проезд инкассаторскому броневичку. Мы разыграли сценку с этой машиной и в шутку протянули шляпу. Наперекор всем инструкциям инкассаторы опустили стекло, бросили мелочь и сорвали бурные аплодисменты. Такая импровизация в пантомиме нужна постоянно. Ведь даже стакан можно взять так (быстро хватает бокал), так (делает то же самое, но дрожащей рукой после нескольких оборотов пальцами вокруг стакана). Существует тысяча вариантов одного же-

ста, из которых надо выбрать один, самый точный.

Глеб: — И такое ощущение часто возникает, будто идешь в темноте по лабиринту. В одну дверь сунешься — не то, в другую — тоже. И вернуться на исходную позицию уже невозможно. Приходится вот так балансировать. Главное, мы знаем, как не надо делать...

Валерий: — ...а как надо — не знаем!

— Не скромничайте, вы же лауреаты международных конкурсов. Кстати, как на таких конкурсах к русским относятся?

Валерий: — А мы не афишируем свою национальность. К тому же на Западе это значения не имеет. Нас, кстати, принимают почему-то за французов или американцев. В Германии, между прочим, пантомима не очень котируется. Это пошло с тех пор, когда жанр пользовался большой популярностью и в нем выступали многие, едва чему-то научившись.

Глеб: — Все хотят добиться результата легко и быстро, а пантомима требует долгого труда, и еще неизвестно, получится у тебя или нет. Даже простые внешне номера с подключением публики приходится подолгу продумывать.

— Велика важность: с подсадными утками работать!

Валерий: — Мы такого себе не позволяем. Хотя иногда человек и может догадываться, что мы будем работать с ним. Когда мы в Мюнхене выступали на встрече мэра с избирателями, решили похулиганить и выгнали его на сцену. Кстати, после победы на очередных выборах он пригласил на прием по случаю юбилея Мюнхена.

«Сложное сделай простым, простое — понятным, понятное — красивым»

— Не обидитесь, если сравню вас с клоуном? Вот Карандаш когда-то не только вечным людей тешил, но и показывал зарисовки на злобу дня.

Валерий: — Это неинтересно. А какое событие, по-твоему, могло бы прозвучать сегодня?

— Да масса всего: новости посмотрите.

Глеб: — Ну Путин куда-то поехал... На злобу

Глеб в роли Адама

глеб

дня пусть мастера разговорного жанра сочиняют! А пантомима — жанр философский. Наша задача разбудить фантазию зрителя. Мы про любовь рассказываем, про добро и зло.

— Ну прям Марсель Марсо какой-то...

Глеб: — В точку! Марсо — образец для нас, зрочный учитель и живой классик. Три года назад мы, кстати, встретились с ним. Пришли после представления за кулисы и сказали, что знаем историю о том, как он когда-то в знак признания поцеловал руку Чарли Чаплину, и хотим последовать его примеру. Марсо, нисколько не смутившись, протянул свою ладонь.

— А есть у мимов общая формула, в которой заключены все принципы работы?

Глеб: — Если коротко: сложное сделай простым, простое — понят-

ным, понятное — красивым. Сделать это помогает знание языка жестов. Оно и в жизни полезно. По наклону тела, только по корпусу, плечам, рукам, даже не глядя в лицо, можем распознать, к примеру, врет человек или нет. Мы как-то выступали на слете немецких хирургов. Сделали легкое шоу: одними кистями рук показали сомнения врача, ошибку, радость — и они поняли.

— А что вы обо мне можете сказать?

Глеб: — Судя по рукам, ты немного замкнута сейчас, а по глазам — вижу, что слушаешь.

— Вот я смотрела, как вы работаете, и думала: как-то по-доброму все делаете, без обид...

Валерий: — Профессия такая. Надо заставлять себя сохранять детскую наивность. И на сцене, и в жизни. Без нее невозможно быть мимом, зритель тонко чувствует неискренность и фальшь.

■ Ольга Сабурова.
Фото Андрея Струнина.